

А. И. Романчук получить данные для установления размеров как территории города, так и числа его жителей.

Целью доклада В. Н. Даниленко «Когда начались раскопки Херсонеса?» было показать ошибочность прочно утвердившейся во всей современной археологической литературе (после проведения в 1927 г. Всесоюзной конференции, посвященной столетию раскопок Херсонеса, и выхода в свет книги К. Э. Гриневича «100 лет херсонесских раскопок») даты начала раскопок Херсонесского городища (1827 г.). По мнению докладчика, этой дате противоречат публикации херсонесских монет уже в конце XVIII—начале XIX в. и старые планы Херсона, снятые задолго до раскопок Карейши; изданное в 1941 г. описание путешествия Жильбера Ромма неоспоримо свидетельствует о том, что раскопки города и некрополя были начаты намного раньше, сразу после присоединения Крыма к России, хотя до начала XIX в. они носили хищнический характер.

В. Н. Залеская ознакомила аудиторию с результатами проделанной ею работы по выявлению конкретных центров в Малой Азии и на Балканах, продукция которых экспортировалась в Северное Причерноморье. Атрибуция различных образцов византийского прикладного искусства, найденных в Херсонесе за последние десятилетия, а также «доработка» некоторых уже известных памятников, в ряде случаев подтвердив, конкретизировав или дополнив данные письменных источников, показала, что средневековый Херсон с X по XIII в. имел активные торговые связи с малоазийскими областями Вифинией, Пафлагонией, Каппадокией и Халдией, в частности с городами Эфесом, Амастридой и Трапезундом, а на Балканах — с Фракией и Македонией, в частности с Фессалоникой.

В докладе Е. Н. Мещерской «Сирийцы в Крыму» были изложены и проанализированы все известные разрозненные факты, свидетельствующие о пребывании в Херсонесе в VI—X вв. какой-то группы сирийского населения, принесшего в этот город свою письменность и культуру. Опираясь на данные археологического характера (предположение Ф. И. Шмита о том, что строительство крепости и базилики Эски-Кермена было осуществлено пришлой сирийской строительной организацией для местного населения в конце IV—начале VII в.), на свидетельства агиографических текстов (мнение ряда исследователей, что Константин Философ во время своего пребывания в Херсонесе в середине IX в. выучил там сирийский язык) и исторических сочинений VIII—IX вв. (рассказ «Хронографии» Феофана и «Бревиария» Никифора о том, что вместе с Юстинианом II из Херсонеса бежали два человека, носившие сирийские имена), Е. Н. Мещерская пришла к заключению, что в Крыму, в частности, в Херсонесе, следует, видимо, искать источник древнерусско-сирийских культурных контактов.

Ряд докладов был посвящен одному из наиболее дискуссионных вопросов истории средневекового Крыма — времени возникновения так называемых «пещерных городов».

В докладе А. Г. Герцена «О крепостном строительстве на Мангупе» была дана историческая интерпретация многолетних археологических исследований крепостного ансамбля этого города. По наблюдениям автора, во второй половине VI—первой половине VII в. на Мангупе создается хорошо развитая система обороны; в строительстве крепостного ансамбля в целом и отдельных его узлов отчетливо прослеживаются традиции и приемы позднеимперского военно-инженерного дела. Автор предположительно связывает крепость этого времени с Доросом, а в ее строительстве усматривает участие Херсонеса, связи с которым для населения Мангупа были определяющими до конца VIII в. В IX—X вв. Мангуп был малолюдной крепостью-убежищем, оказавшейся на византийско-хазарском пограничье, которую пытались использовать хазары. В строительных приемах этого времени выражены традиции военного зодчества Подонья и Северного Кавказа. Третий этап в развитии крепости относится к XIV—XV вв., когда она становится столицей княжества Феодоро, принимая на себя экономическую роль угасающего Херсонеса и приобретая черты фео-